

Ксения Дворецкая

Выбор

рассказы

12+

Ксения Дворецкая

Выбор

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дворецкая К. О.

Выбор / К. О. Дворецкая — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Эта книга о личных, обычно негласных, драмах. Герои делают выбор изо дня в день: соглашаясь на свою жизнь или стремясь её изменить. Под этим углом зрения повседневность приобретает значение исключительности, становится тождественна самой жизни.

Содержание

Карасик	5
Разговоры	8
Поиски	11
Нить слова	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Карасик

Антонов сидел на пенке, обняв колени, и смотрел на огонь. Вокруг шуршали велосипедные шины, рычали молнии палаток, дребезжали алюминиевые кружки и котелки. Где-то уже позванивала гитара, и запевались первые песни. Сегодня у берега Суры встречать начало туристического сезона собралось больше ста человек, и лагерь затихнет только к утру.

Антонову было неудобно сидеть: Лера прислонилась к нему, надавив всей тяжестью тела, но он молчал. Тяжело было и на душе, но, не понимая причин, он не хотел в этом себе признаваться. Он смотрел на огонь, надеясь, что Лера не захочет с ним говорить. Встретив её впервые, Антонов гордился, что его красивая девушка была настоящей туристкой, и удивлялся отсутствию серьёзных соперников. Позже он увидел её властность и высокомерие, доходящее до злобы, но какая-то подавленность воли мешала порвать с ней. Она умела вовремя останавливаться, и он оставался при ней, нетребовательный и безотказный.

Из темноты выступило длинное, с большим носом лицо Квашнина.

– П-привет, р-ребята...

– Салют, Квашня! – откликнулись сидевшие у костра.

– Терпеть его не могу, – внятно сказала Лера.

– П-привет, Ег-гор!

Антонов привстал и пожал Квашнину руку. Лера громко цыкнула, но Егор спросил:

– У тебя что в руках, Жень?

– К-карасик!

– А зачем?

– С-съем его.

Лера встала и пересела на другую пенку.

– Ооо, зажаришь или сырым есть будешь? – развеселились подвыпившие парни.

– Сырым. Со-оль есть?

Ему кинули коробок с солью. Квашнин ловко вспорол карасю брюхо, соскоблил чешую и сковырнул жабры. Антонов отвёл глаза, но по одобрительному гулу понял, что Квашнин карася съел. Тот рыгнул и виновато улыбнулся:

– Р-ребят, а запить не-ечем?

– А тебе ещё мало? Ну, давай, плеснём.

– С-спасибо.

Квашнин сел рядом с Антоновым и ещё раз улыбнулся:

– Н-ничего?

– Конечно, сиди.

Квашнину около сорока лет, он худой и очень смуглый. Черты его лица описать сложно – они размыты алкоголем, заметен только большой нос, и, если внимательно приглядываться, грустные карие глаза. Девчонки брезговали им, парни насмехались, но по-настоящему он не был ни смешным, ни противным. В отличие от других алкоголиков, он понимал, что неприятен, и никогда не заводил лишних разговоров. Квашнин участвовал в каждом слёте, в каждом походе, и всегда к вечеру напивался до бесчувствия, а утром садился на велосипед и проезжал десятки километров, не выказывая усталости. Почему он не напивался дома, спокойно засыпая в своей кровати, никто не задумывался. Как-то Антонов спросил его о семье, но тот лишь неопределенно кивнул, то ли на толпу, то ли на велосипед. Трезвым он говорил совсем мало, заикался сильнее, затрачивая по минуте на небольшую фразу, и трезвого его сторонились больше, чем пьяного.

– Услышал, что нормальные люди суши любят, и карасей живых начал есть? – Лере было недостаточно молчаливого пренебрежения.

Квашнин то ли не услышал, то ли не понял, но не стал отвечать. Тогда Лера подняла голос:

– Я спросила, суши любишь?

– Я п-пойду.

Квашнин тяжело поднялся и ушёл в темноту, а Лера, глядя на Егора, обратилась к нему совершенно другим голосом:

– Слава богу... Зачем его зовут вообще...

Антонов грубо ответил:

– Это турслёт. Сюда никого не зовут.

Лера встала и ушла, но Егор не пошёл её догонять. Разговор у костра быстро потёк дальше, а он продолжил молча смотреть в костёр, изредка вороша угли палкой. Было что-то притягательное в пульсирующем свете углей, быстро чернеющих, если откинуть их слишком далеко. Егор был готов просидеть так всю ночь, не отводя от огня глаз и ни с кем не разговаривая. Он слышал Лерин смех, и ему хотелось, чтобы она кого-нибудь встретила и навсегда про него забыла. Но по его плечам ударили ладони Леры:

– Пошли песни петь.

Послушный привычке, Антонов поднялся и пошёл к другому костру. Так быстро забыть, что он шёл ей наперекор, был не в Лериных правилах, но он не обратил на это внимание. У Леры приятный альт, она пела с удовольствием, чувствуя, что понравилась гитаристу, и другие заметили это. Антонову было всё равно, меланхолия не покидала его. Но подходили знакомые, здоровались, заговаривали, а когда предложили ему коньяк, он не отказался. Постепенно Егор развлёкся, повеселел, и, когда гитарист закурил, сам взялся играть. Лера пела, и, глядя на её сведённые брови, он представлял, что влюблён в неё. Незаметно он опьянел, и пел, не отрывая глаз от Леры, сконцентрировав на себе её желание нравиться. В этом и были их отношения – ей был интереснее тот, кто мог сильнее увлечься, а он был готов увлекаться. Почему все смеялись, он понял не сразу.

– Р-ребят, не могу, – почти всхлипывал Квашнин, держа в руках спальник.

– О! Квашня упился – в спальник попасть не может!

– Жена домой не пускает!

– Н-не мог-гу... не открывается...

– А ты попробуй, постучи!

Все были изрядно пьяны, и их веселила такая откровенная беспомощность.

– Ему даже просить не стыдно. Ничтожество!

Сквозь алкогольный туман Антонов плохо различал причину Лериного возмущения. А Квашнин протягивал спальник в никуда:

– Я з-замерзну...

И Антонова подбросило. Он схватил у Квашнина спальник, и почти обнимая его, повёл:

– Жень, какая твоя палатка? Сейчас всё сделаем, не замёрзнешь!

– Не пропадёшь, Квашня! – веселились у костра.

– А Егор у нас теперь мамочка для алкашей! – крикнула вдогонку Лера.

Антонова словно дёрнуло, но он не обернулся. Он выгреб мусор из палатки Квашнина, разложил коврик, помог Жене влезть в спальник, и застегнул его.

– Если что – зови, – улыбнулся Егор.

– Спасибо.

Квашнин зашлёпал губами, не решаясь что-то сказать, и Антонов, чувствуя это, не уходил.

– Ты д-друг, – просипел, наконец, Квашнин.

– Друг. Доброй ночи.

Антонов застегнул палатку и вдохнул свежего воздуха. От запаха в палатке можно было опьянеть, но ему, с детства, не терпевшего пьяных, не было противно там находиться. На душе стало спокойнее, он пошёл в свою палатку и уснул, несмотря на шум в лагере. Было уже светло, когда в палатку залезла Лера. Хотя Егор не открыл глаза, она догадалась, что он проснулся.

– Ммм, ты здесь, – словно удивлённо протянула она, – я думала, ты теперь с Квашниным спать будешь...

Антонов не реагировал.

– Я даже не знала, что ты такой заботливый...

Лера подождала несколько секунд, и продолжила уже естественным тоном:

– Любишь с алкашами сюсюкаться, значит! Лучше бы карася пожалел, которого он съел! Тот больше стоит! Уродов баловать значит...

Антонов открыл глаза и, глядя в упор на Леру, спокойно сказал:

– Вали!

Лера опешила и попыталась улыбнуться:

– Что? Ты во сне что ли?

– Бери спальник и иди в другую палатку – тебя везде пустят, а из моей – вали!

Лера вскочила, чуть не повалив палатку, и потащила свой рюкзак и коврик. Выбравшись, она несколько раз ударила по палатке:

– Да пошёл ты! Из-за алкаша, урода меня выгнал! Сам урод значит! Пошёл ты! – закричала она во весь голос.

Антонов молча застегнул палатку. Он слышал, как невдалеке Лера укладывается, продолжая поносить и его, и Квашнина, но, не дослушав, снова уснул.

С семи утра начинает припекать солнце, и в палатках, не укрытых тенью или фольгой, становится очень душно. Но лагерь, устав от ночных гуляний, спит, и лишь немногие лениво готовят завтрак. Хоть и он спал немного, Антонов проснулся бодрым, и наскоро поев, выехал самым первым. Проведя велосипед по песочному пляжу, он выбрался на дорогу, и весело закрутил педали, вдыхая лесной воздух. Километров через десять его нагнал Квашнин, и они поехали вместе, думая каждый о своём.

Разговоры

В седьмом часу вечера в магазинах вырастают очереди, хвосты которых, сплетаясь, прячутся между стеллажами и вызывают у стоящих бурные возражения. Вера Ивановна в таких очередях ежедневно стоит, втайне гордясь, что не может ходить за покупками раньше: она работает, хоть уже семь лет на пенсии. На ней стеганное серое пальто и синий берет, который она любит поправлять.

– Молодые люди, – обратилась она к парочке, стоящей впереди неё, – а у вас в корзине молоко «Луговичкин» лежит, оно хорошее?

– Нормальное, – удивлённо ответила девушка.

– Да что-то больно дешёвое. Оно не из сухого молока?

Девушка уже было обратилась к парню, но услышав второй вопрос Веры Ивановны, снова обернулась к ней:

– Нет, в составе только «цельное» написано, а производители обязаны писать.

– Обязаны-то они обязаны... а скисает оно как, нормальная простокваша?

– У нас обычно не скисает, мы успеваем выпить, – девушка вежливо улыбнулась.

– Попробуйте один раз его скиснуть оставить, и по простокваше проверите, хорошее или нет. Это надёжный способ!

– Да? Спасибо, попробуем.

Подошёл их черед оплачивать покупки, девушка отвернулась, засуетилась, но потом через плечо сказала Вере Ивановне «до свидания». Вера Ивановна закивала: «всего вам доброго», и прислушалась к пisku штрихкодов на кассе. Уже протягивая руку за сдачей, она услышала, как девушка ответила молодому человеку:

– Может быть она одинокая...

Кольнуло что-то в сердце, Вера Ивановна поморщилась. С чувством незаслуженного оскорбления она механически складывала покупки в пакет, и только выйдя на улицу слегка успокоилась. Наверняка речь шла не о ней, потому что её никак нельзя назвать одинокой. Возле дома она уже была в этом уверена.

Переложив пакеты в левую руку, Вера Ивановна открыла дверь. Не раздеваясь, пронесла покупки на кухню, затем зашла в зал, где на диване лежал муж. Не поворачивая головы, он спросил:

– Жрать мы будем сегодня?

– А ты что, голодный сидишь? Так всё сготовлено, только разогреть надо было. Сейчас я всё сделаю. Я почему задержалась: в магазине очередь...

– Да иди уже. Грей.

Быстро раздевшись и вымыв руки, Вера Ивановна положила в сковороду из одной кастрюли отварной рис, из другой котлеты, по две мужчинам и одну себе, и поставила на маленький огонь. Позвала мужа:

– Пойдём кушать, скоро разогреется.

– Как разогреется, так пойду.

– Хорошо, минутки через две приходи.

Вера Ивановна подошла к двери в комнату сына и постучалась. Не услышав ответа, она открыла дверь. Пахло дурными сигаретами, мужским потом и алкоголем. На экране компьютера что-то взрывалось, рушилось и горело, а Серёжа спал. Почему-то Вере Ивановне вспомнилось, какой праздничной была эта комната, когда впервые ожидали прихода Наташи.

– Серёжа, Серёженька, – тронула она сына за плечо, – вставай, сыночек, пойдём, покушаем. Весь день, наверное, голодный...

Сергей открыл мутные глаза и посмотрел на мать, не узнавая её.

– Серёжа, это я, пойдём кушать, – погладила она ему лоб.

– Угу.

– Вставай и приходи на кухню. А я выключу сковородку пока.

На кухне Вера Ивановна разложила по тарелкам ужин и, полностью наполнив водой чайник, поставила его на огонь. Подошёл муж и молча сел за стол, за ним пришёл Серёжа.

– Может помидорок солёненьких достать, а? – заглядывая в глаза Серёже, спросила Вера Ивановна.

– Ты не спрашивай, а поставь на стол, – вместо сына ответил муж.

Муж ел быстро и жадно, Серёжа лениво ковырялся в тарелке.

– Может для аппетита, бать? – предложил Сергей.

– Ну не спрашивай – ставь на стол, – добродушнее повторил отец.

Серёжа принес бутылку из комнаты.

– Ма, дай рюмки.

Вера Ивановна покачала головой, но рюмки достала и поставила на стол.

– Может и тебе налить? – ухмыльнулся муж.

– Что вы, что вы! А вы выпейте по рюмочке – ничего страшного нет!

Серёжа с отцом чокнулись, разом выпили. Отец продолжил есть.

– Серёженька, ты кушай котлетку-то.

– Бать, может ещё? – обратился Сергей к отцу.

– Не, ну её, горькую. Я б лучше пивка.

– Ну, а я буду.

Серёжа выпил ещё рюмку и откусил котлету, потом встал из-за стола, захватив бутылку.

– Спасибо, ма.

– Да не за что, дорогой, ты и не ел ничего.

Вера Ивановна осталась вдвоём с мужем, ожидая, что тот скажет что-нибудь о Серёже, но он доел, встал и молча ушёл в зал.

Вера Ивановна выключила закипевший чайник и достала из кухонного шкафа большую чашку с фотографией хорошенького мальчика. Бросив в чашку щепотку чая, она залила её кипятком и накрыла блюдцем, и тяжело опустилась на табурет возле окна.

С минуту она разглядывала отражённые очертания кухни на фоне чернеющей улицы, но потом схватила свой телефончик и, держа его на вытянутой руке, стала набирать номер по памяти. Женский электронный голос озвучил все одиннадцать цифр, а после недолгих гудков Вере Ивановне ответил другой женский голос, живой, но уставший:

– Алло, да.

– Наташенька? Алло!

– Да, это я, Вера Ивановна, я слышу.

– Здравствуй, Наташа.

– Здравствуйте.

Вера Ивановна вскочила и встала вплотную к подоконнику, подавшись вперёд, уверенная, что так будет слышно лучше.

– Наташенька, ты дома? Всё у вас хорошо?

– Где же мне ещё быть. Всё нормально у нас... Вы как?

– Ой, спасибо, Наташенька, всё нормально. Я вот с работы пришла, покормила мужиков то своих, – на этих словах Вера Ивановна одновременно как-то дёрнула головой и пожалала плечами, придавая фразе шутливости, но потом жалобно добавила, – Серёжа всё болеет.

– Знаю я Серёжины болезни, можете не рассказывать мне!

Вера Ивановна вздохнула и, помолчав, попросила:

– Наташ, расскажи, как внучок мой? Хвалят его воспитатели?

Голос в трубке потеплел:

– Да. Знаете, Наталья Семёновна мне по секрету сказала, что Лёша самый смышлёный в группе, а Ниля Артуровна, это нянечка, его только профессором и называет.

– Ой, какие они! Конечно, конечно, Лёша самый умный! А на танцах как? Хвалят его?

– Да вот танцы ему не очень нравятся... там всё по счёту надо как-то ходить, а ему по-своему хочется. Думаю его забрать оттуда.

– Ну и правильно, если не нравится – зачем ребёнка мучить. Вот ещё – танцы!

Вера Ивановна, теребила полотенце, не замечая этого.

– Наташенька, а денюжку вам не надо? – Вера Ивановна повторила жест головой и плечами.

– Деньги всегда нужны. Если вам не жалко – не откажемся.

– Как же жалко, что ты. Для внука чтоб мне жалко было? А когда к вам прийти можно будет?

– Ну, в субботу ко мне сестра приедет... давайте в воскресенье.

– Конечно. Давай. Наташ, а можно мне сейчас поговорить с Лёшенькой?

– Он мультик смотрит, вряд ли станет разговаривать.

И куда-то вне трубки голос крикнул: «Лёш, с бабой Верой будешь разговаривать?» и до Веры Ивановны донеслось звонкое: «Не-е-ет!»

– Ну, вот видите. В воскресенье придёте, поговорите.

– Да, да, конечно.

– До свидания, Вера Ивановна.

– До свидания, Наташенька... а как у него с письмом?

Но голоса в трубке больше не было. С маленькими телефонами даже не оставалось гудков, этого мягкого многоточия, к которому можно было бы прислушиваться. Сразу начиналась тишина – точка.

Вера Ивановна опять вздохнула. Сняла с чашки блюдечко и осторожно отхлебнула чай. Удивлённо повернулась к своему отражению:

– Надо же, остыл, пока разговаривали.

И благодарно улыбнулась.

Поиски

Весна пришла в город ранняя. На глазах исчезали серые рыхлые островки, и к марту не осталось снега даже на теневой стороне домов. Люди с радостным удивлением надевали лёгкие ботинки (шагать по сухому асфальту в зимних сапогах было ещё удивительнее), тонкие пальто и куртки. В апреле многие выходили из дома в футболках; зацвела вишня.

В мае пошёл снег. Он не успевал лечь на землю и вскоре прекратился, однако за месяц температура не поднялась выше пяти градусов. В июне стало теплее; но небо затянуло пеленой. Вокруг всё стало серым, тусклым. Дождь шёл редко, лениво: по-настоящему не начинаясь, он не прекращался. Не было запахов летнего дождя: мокрого асфальта, мокрой пыли, и следующей за ними свежести, а может, не было сил остановиться и прислушаться: все пробегали по улицам быстро, согнув спины, лишь кивая встречным знакомым, хотя капли были такими маленькими, что их прикосновения почти не ощущались.

Заранее достав ключи из кармана, Ален юркнул в подъезд и в три скачка очутился возле своей двери. Недолго повозившись, нарочно громче скребя ключом, он вошёл в квартиру. Там было сумрачнее, чем на улице. На дверце шкафа висел мокрый Ленин плащ, на обувной полке стояли её ботинки, но свет не горел. Ален разделся и прошёл в комнату. В джинсах и чёрном джемпере Лена лежала, откинувшись на кровати и свесив ноги на пол.

– Привет! – весело окликнул Ален.

– Привет, – очень ровно ответила Лена, не поворачиваясь к нему.

Понимая, что на все вопросы Лена пока будет отвечать этим напряжённо спокойным голосом, он всё же спросил:

– Пойдём ужинать?

– Не хочу.

Ален переоделся и вышел из комнаты. Когда на кухне звякнула микроволновка, и он, обжигаясь, перенёс тарелку с супом на стол, зашла Лена, в домашнем костюме и с волосами, собранными в пучок. Она налила из-под крана воды и, оперев ступню одной ноги в бедро другой, прислонилась к мойке, прихлёбывая воду.

Зная, что ей тоже хочется побыть вместе, Ален попросил:

– Посиди со мной.

Лена села с тем же спокойно суровым лицом.

– Как на работе? – спросил Ален.

– Никак. Пришла, посидела, ушла. У тебя что?

– Да у меня тоже особо ничего нового. Без учеников мало что происходит. Один мальчик только приходит – к выставке с ним готовимся.

– Летом?

– Да, немножко заранее. Пока не очень серьёзно. Основная работа с сентября будет.

– Ну что, классно. Поставляешь новой родине новые таланты. Не зря гражданство давали.

Ален, шутя, вытянул руку и повернулся в профиль – вроде памятника. Девушка улыбнулась:

– Когда твоим именем школу художественную назовут?

– Не буду торопиться, такие дела обычно посмертно совершаются.

Лена потеплела: оживилась, заговорила быстро, помогая голосу мимикой и жестами. Ален подбородком указал на неубранную кастрюлю с супом, Лена, не прекращая говорить, кивнула.

Когда Лена приходила в доброе настроение, Ален словно встречал на вокзале родного человека после долгого стояния на ветру. Он радовался встрече, и не думал упрекать её за то,

что другие проворные пассажиры оттеснили её в дальний конец вагона. Звякнула микроволновка и Алён поставил тарелку перед Леной.

Лена зачерпнула ложкой, но, поднеся к губам, плеснула обратно.

– Холодный!

После ужина, вечером, Лена неожиданно спросила:

– А ты не хочешь в Казахстан съездить?

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну, почему нет? Что я за жена – никогда твоих родственников не видала! Ты, наверно, встретиться хочешь? Ну, и там романтика, заграница.

– Вряд ли тебе эта заграница понравится – пыльно и скучно. Как в Уварово, только жарче.

– А как же родственники – грустят, что меня никогда не видели!

– Это точно, – ласково улыбнулся Алён, – но с дядей мы после бабушки и не общались ни разу. У мамы своя семья... Хотя мама, конечно, хотела бы тебя увидеть.

Лена помолчала.

– А отец? Ты его так и не видел здесь?

– А я и не пытался. Это бабушкина была идея – в его город ехать учиться, мне всё равно было. Зато я тебя встретил здесь!

– Даже странно... носим с тобой фамилию человека, может, по сто раз видим его на улице – а не знаем.

– Мне почему-то кажется, что его уже нет здесь. А может и родом он был не отсюда, мама перепутала что-то. А фамилия неплоха – Алён и Елена Казаковы! Как?

Лена уткнулась Алёну в живот, обхватила двумя руками за талию и начала раскачивать, бормоча:

– Ты чего какой хороший? Почему ты такой хороший?

Алён закрыл глаза и улыбался.

Имя ему выбрала мама, восемнадцатилетняя Мадина, но фамилия и отчество были от русского отца. В России Казаков Алён Юрьевич не звучал иностранцем, шутили только над любовью его родителей к кино. Внешность у него не привычно казахская: тёмные волосы и широкие брови, стоящие высокими арками и лихо закрученные на переносице, но глаза миндалевидные зелёные. Лена же была кареглазая, смуглая и если отдалённые знакомые слышали что-то про Казахстан, то относили это к Лене, а не Алёну. Детство его было счастливым; незамужняя беременная Мадина осталась с родителями, и хотя её отец бушевал, узнав обо всём, после девушку ни разу не попрекнули. Только старший брат Мадины, считавший себя националистом, остался холоден к на половину русскому племяннику, забыв собственную русскую бабушку – мать отца. Словно назло брату, спустя шесть лет после рождения Алёна, Мадина вышла замуж за русского, переехала в Астану, и родила ещё двоих детей. Алён оставался с бабушкой и дедом, пока они в один год не ушли; в тот же год Алён уехал учиться в Россию.

Всю ночь ему снился Кульсары, принимавший почему-то облик Тамбова. Когда он проснулся, в комнате было темно. Алён дотянулся до телефона, на экране высветилось 9.10 – мрачный дождливый день не проникал за плотные шторы. Суббота, не нужно было никуда идти, но он тихонько поднялся.

– Куда? – схватила его за кисть Лена.

– Проснулся что-то. Ты спи, если хочешь.

– А время?

– Девять. Десятый.

Лена отпустила его руку и повернулась на живот.

Когда она встала и вышла на кухню, Алён читал.

– Что читаешь?

– «Защита Лужина». Набоков. Про шахматиста.

– Знаю про что. Это моя книга. Он умрёт в конце.

– Ну вот. Но я всё равно дочитаю.

Лена открыла холодильник.

– Будешь суп?

– Я позавтракал. Ты себе грей, я посижу с тобой, – Ален улыбнулся, и встал, чтобы обнять Лену.

На несколько мгновений она замерла, потом высвободилась и достала кастрюлю.

– Что будем делать сегодня? – недовольно спросила Лена.

– А что ты хочешь?

– Не знаю! Поэтому и спрашиваю у тебя.

– Можно в кино сходить.

– На что? Супер-героев что ли смотреть?

– Да, хорошие фильмы летом редко в прокат пускают.

Лена поднялась, но, увидев на столе ложку, села обратно.

– Умереть можно от скуки в нашем городе. Такое чувство, будто я за целый месяц только и видела, что рабочий компьютер и дождь. Либо я смотрю в окно и вижу дождь, либо на работе смотрю в компьютер.

– А меня разве не видишь?

– Да что ты сравниваешь! Я совсем не об этом. Тебе хорошо – сходил на работу: порисовал что-то, полепил с детишками и – свободен. Ну и всякие конкурсы, выставки – хоть напоминаешь, как жизнь проходит.

– Мы ещё и по дереву вырезаем, – пошутил Ален, но тут же участливо спросил, – Может тебе что-то другое поискать?

– Что? Где у нас можно работу найти? В кафе «Кафе»?

– Зачем уж так радикально...

– Не за чем! Что говорить то.

Лена замолчала. Она чувствовала, что несправедлива к Алену и не хотела ему грубить, но раздражение прорывалось наружу. Не зная, как его выплеснуть, Лена встала, быстрым шагом прошла в комнату и, прогремев дверью, вышла на балкон. Поочередно переступая ногами с полной ступни на носочки, Лена положила руки на перегородки балкона и выглянула наружу. Маленькие капли дождя падали на лицо, но ощущать их было не так уныло, как наблюдать колечки на лужах. Двор был почти пустой, только на детской площадке, в беседке, сидели двое. Приглядевшись, в одном из них Лена узнала соседа, молодого парнишку, младше их с Аленом лет на пять. Они напомнили Лене день свадьбы.

Родители настояли, чтобы всё было широко, главным образом – стол, на огромное число гостей. Приглашать всех родственников, даже дальних, казалось родителям долгом и делом чести. Застолье требовало ведущего и фотографа, гости – соответствующие развлечения, включая выкуп невесты. Мама просьбами и слезами вынудила Лену купить пышное белое платье и пригласить парикмахера, но участвовать в остальном Лена отказалась наотрез. Ни мамыны упреки, ни папины покрикивания не помогали – Лена не видела ни кафе, ни ведущего до самой свадьбы.

Родители Лены давно знали Алена, знали и о его семье, но когда он пришёл говорить о свадьбе, испытывали неловкость, что обсуждают траты с самим женихом, а не его родителями. Было решено, что столовую оплачивают родители Лены, а остальные расходы делятся на три части: родители и жених. Ален соглашался со всем, но, в итоге, родители за многое платили из своего кармана: Ален просто не догадывался о необходимости некоторых трат, а родители стеснялись ему сказать. Со стороны Алена был только один институтский друг, да директор его художественной школы ненадолго заходила поздравить в кафе. Ален приглашал маму с её семьей, но они не приехали; отправили перевод – на русские деньги около двадцати тысяч.

В день свадьбы Алэн, с аккуратным и нежным букетом, в сопровождении друга, которого Лена видела потом всего раза два, приехал к невесте задолго до назначенного времени. Они сидели на лавочке у подъезда, над козырьком которого бились друг о друга разноцветные шарики. Лена всё время подходила к окну, за ней шла парикмахер, держа в руках плойку с накрученной Лениной прядью. От сдерживаемого раздражения у Лены покраснели глаза.

Мама тоже выглядывала в окно и со сложным чувством замечала отцу:

– Как-то это плохо сочетается: все наши здесь, а они там вдвоём сидят.

Отец, переживавший, что всё дочери не по вкусу, отвечал, оправдываясь:

– Ты же знаешь, мы не могли иначе.

Но на него созерцание добродушного Алэна, терпеливо ожидавшего приглашения, действовало ободряюще:

– Скоро он тоже станет – «наш».

Наконец Лэну причесали, накрасили, нарядили и сфотографировали со всеми желающими, а к Алэну спустилась большая, уже немного выпившая толпа, – загадывать загадки. Взяв себя в руки и улыбаясь обнимавшим её гостям, Лэна во всём винила Алэна – сама не понимая за что. Когда он вошёл к ней в комнату, влюблённо улыбаясь, она смотрела на него со злостью, и, выпив бокал шампанского, только сухо клюнула в губы. Сейчас она признавала, что он хотел свадьбы не больше её, но раз она не смогла переубедить своих родителей, просто согласился с ними; Алэн искренне радовался именно браку.

От холода на плечах появились мурашки. Лэна потёрла пальцами по левому плечу, и шероховатость гусяной кожи позабавила её. Она сделала глубокий вдох, оказалась в комнате, снова громыхнув дверью, и вернулась на кухню. Алэн провёл ладонью по проходящим мурашкам:

– Ты чего морозилась?

– Мозги проветривала. На улице веселее, кстати, чем из окна кажется. Может, оденемся потеплей и гулять пойдём?

В городе основные улицы завешаны вывесками магазинов, постоянно увеличивающихся в размерах и яркости. В дождливый день нет прохожих, но из громкоговорителей непрерывно несётся реклама и популярная музыка. Старый город ещё чувствуется в переулках, где стоят деревянные дома с искусными резными крыльцами и ажурными наличниками, но они крелятся, шатаются; многие дома половинчатые – одна сторона рассыпается, храня прежний облик, другая укреплена, отремонтирована и покрыта сайдингом.

– Почему у нас не запретят, как в Москве или Питере, такое уродство!?

– Не знаю, – ответил Алэн, – может, эти здания не представляют ценности?

– Но если нет ничего лучше, надо хранить то, что есть. Не так, разве?

– Конечно, так. Только об этом мало кто думает.

Они вышли к набережной.

– Суббота, а нет никого, – заметила Лэна.

– Никто кроме нас не догадался, что гулять под дождём веселей, чем смотреть на него.

Одни мы молодцы.

– Да это не дождь совсем, гадость какая-то. Пошли домой.

– Почему? Давай проверим, может прокат катамаранов работает?

– Ну их. Пошли домой.

Дождевая пелена не спадала и в июле. Алэн и Лэна всё лето провели в городе. Лэне предложили отпуск в октябре – она согласилась. Алэн был свободен два месяца, вышел на работу в последнюю неделю августа, но с 1 сентября уже не мог отлучаться.

Осень началась солнечная, жаркая, насыщенные длительными дождями листья на деревьях были зелёными и свежими. До середины октября длилось настоящее лето. Оборвалось оно резко: за сутки температура упала до нуля, многие, по привычке вышедшие утром в рубаш-

ках и тонких кофтах, вынуждены были вечером вызванивать домашних и просить встречать на остановках с осенними куртками и пальто. Солнце исчезло; в воздухе замелькали острые снежинки.

Ален предложил жене:

– Может быть, сдвинешь на неделю отпуск, чтобы начало ноября захватить? Я смогу в осенние каникулы выбраться: съездим куда-нибудь?

Лена согласилась, но ничего не сделала, вышла в отпуск с середины октября, и с наступлением холодов перестала выходить из дома. Она долго спала по утрам; просыпаясь, лежала в постели и читала книгу, пока Ален, думая, что она спит, бесшумно сидел на кухне. Вставала она около полудня, вместе с Аленом ела, а когда он уходил на работу, вновь ложилась, и окончательно вставала к двум или трём часам. Через день она готовила по случайно взятым из интернета рецептам, и у неё удачно выходили довольно сложные блюда. Вечером Лена открывала мужу дверь, ужинала вместе с ним и снова бралась за книгу.

Через две недели, в понедельник утром, Лена проснулась рано и ушла на работу, но вернулась спустя два часа. Ален ещё не ушёл, и, услышав открывающуюся дверь, забеспокоился.

– Лен, ты чего? Заболела?

Лена снимала сапоги, не глядя на Алена. Раздевшись, прошла на кухню, Ален за ней; сели. Лена вдохнула и чуть замерла, словно готовясь говорить долго, но только сказала:

– Я уволилась.

Такой простой ответ развеселил Алена.

– Ого! Здорово ты! Давно пора было.

– Да? Ты не удивлён?

– Ну, удивлен немного. Просто не ожидал. А так, круто, давно пора.

– Хорошо, что ты согласен, – задумчиво ответила Лена.

– Да о чём говорить-то, я всегда согласен с тобой! – Ален улыбался, – Пошли отмечать сегодня? Сначала в кино, потом сядем где-нибудь.

– Если хочешь... а ты успеешь с работы?

– На поздний сеанс успею. Тебе не нужно рано вставать, значит можно позже ложиться.

Лена улыбнулась:

– Ради этого я и бросала работу.

После фильма зашли в кафе рядом с кинотеатром. Чувствуя какой-то необычайный голод, заказали целую пиццу, большую, очень пышную, и по два стакана пива.

– Моя будущая работа, – пошутила Лена.

– Тогда ты, возможно, сможешь бесплатно пить пиво.

– Ну вот! И вставать не надо рано – одни плюсы.

Разговаривалось легко, как на первом свидании, на котором вдруг узнаёшь, сколько у вас общего. Пиццу не доели, забрали в картонном коробе с собой, но не выдержали и продолжили есть в такси, один кусок на двоих, прячась от взглядов водителя.

Дома, уже почти засыпая, Лена почувствовала – Ален хочет что-то сказать. Он заговорил неуверенно:

– Знаешь. Я всё боялся... чего-то. Иногда казалось, что ты...

Ален сбился и замолчал. Потом договорил обычно и бодро:

– Здорово сегодня было! Спасибо тебе.

Лена ничего не ответила.

В следующие дни Лена вставала так же поздно, почти не встречаясь с Аленом по утрам, но вечерами он не давал ей прятаться за книжками, придумывал общие занятия. До этого, ослабленный догадками, он пускал всё на самотёк и позволял Лене отстраняться, боясь назойливостью только толкнуть, запустить что-то. Отказавшись от сомнений, он, наоборот, не давал Лене задумываться, всё ещё боясь её мыслей.

Что ничего избежать не получилось, Ален понял сразу, когда Лена спросила.

– Можем поговорить?

Она встретила его с работы, он только успел раздеться.

Ален кивнул. Ему захотелось лечь. Представился шум падающей струи в ванне и тепло, которое расходится по телу. Но он прошёл в комнату и сел рядом с Леной.

– Что?

Ленино лицо дрогнуло, словно распалось, и собралось вновь несчастным и жалким. Нетвёрдым плаксивым голосом она продолжила:

– Ален! Я хочу уехать. В Москву. Хочу попробовать что-то.

Ален снова кивнул.

– Пойми меня, пожалуйста. Я закончила универ – сразу вышла на работу. Жила с родителями – вышла замуж, стала с тобой жить. Я ничего не делала сама. И правда – мне дико надоел Тамбов!

– Не любишь меня? – спросил Ален, рассматривая, как узор линолеума складывается и по длине, и по диагонали.

Лена схватила его за руки.

– Я не об этом, Ален! Я люблю тебя!

Ромбы на полу смешались – от перепада напряжения у Алена брызнули слёзы. Он закрыл глаза, улыбнувшись, покачал головой. Потом посмотрел на жену:

– Лен! Не умеешь ты информацию подавать – я до смерти напугался. Конечно, давай переедем. Но надо хотя бы месяц подождать, чтобы мне замену успели найти. Сложнее ведь в середине года. Квартиру что, сдавать будем?

Лена свела брови, на лбу пролегла глубокая вертикальная складка.

– Ален... ты можешь остаться в квартире до конца года. Потом спокойно уволишься, и приедешь ко мне.

Для Алена всё качнулось третий раз.

– Ты хочешь поехать без меня? – уточнил он.

– Да, – ответила Лена, – но только на время, ты потом приедешь ко мне...

Ален не дослушал. Он пошёл в ванную, машинальным движением провёл щёткой по эмали и вывернул кран с горячей водой. Не дожидаясь, пока ванна наполнится, сел на дно и не моргая стал смотреть на струю воды. Тепло медленно поднималось по телу. Ален прикрыл глаза, но тут же открыл, дёрнувшись – он на мгновение уснул и перед глазами замелькало что-то жуткое. Он снова уставился на воду. Вспугнутая шальной мыслью, к нему ворвалась Лена, но увидев его сидящим, исчезла. Он услышал её рыдания и прибавил напор. Воздух густел. Запотевшее зеркало казалось серым.

– Пожалуйста, не вздумай съезжать с квартиры, – сказала Лена, когда муж вышел из ванной.

Они два года прожили в этой квартире, всю семейную жизнь, но принадлежала она Лениным родителям. Ален не понял – он не мог сейчас думать о квартире.

Между разговором и отъездом было пять дней: Ален и Лена почти не разговаривали. Как Ленины родители приняли эту новость, Ален не знал; он увидел их только на вокзале: они стояли сердитые, обиженные. Там он впервые представил, как они вдруг станут ему чужими людьми. Родители ушли до отправки поезда, наспех поцеловав Лену. Потом он наткнулся на них, выходя с вокзала: они ждали Алена у выхода в город, пригласили в гости, но не настойчиво, и подвезли домой.

Когда объявили отправление поезда, Лена прислонилась к Алenu и заплакала. Он обнял её.

– Я просто уезжаю, это все ерунда, – бормотала Лена.

– не уезжай, – хотел попросить Алэн, но просипел что-то невнятное – в горле у него стоял ком.

Они остались одни на перроне, Лена целовала Алэна, сжимала ему ладони и твердила:

– Я всего лишь еду первая. Мы с тобой вместе. Летом переедешь ко мне. Я всего лишь еду первая.

Алэн отвечал на поцелуи и пожатия, но не мог произнести ни слова. С родителями Лены он тоже молчал. Почти всё время говорили родители, обсуждали какие-то пустяки; обращаясь к Алэну, довольствовались его кивками.

А Лена стояла возле окна в начале вагона, смотрела на удалявшийся город и шептала: «Что я делаю, что я делаю...»

Проводница, нестарая женщина с грубым толстым лицом не смолчала:

– Чо плачешь-то!? Приедет твой жених. В Москву все едут.

Она не заметила кольца, не поняла, что Лена оставляет мужа, которого сама любит, и который любит её, и едет в неизвестность, без особых причин и цели. Лена не стала ничего говорить, прошла дальше в вагон, забралась на вторую полку и лежала без сна и слёз до Москвы.

Утром она написала Алэну: «Я в Москве. Я больше жизни люблю тебя». Он не ответил, и к горечи от мысли, что он её не простит, примешалось что-то приятное – наказание словно уменьшало её вину. Когда он позвонил – его голос был прежним, словно ничего не изменилось.

Около трёх недель Лена прожила в хостеле, потом устроилась на работу и переехала в квартиру возле Рижского вокзала. Она занимала одну комнату, другую – молодая пара, москвичи, решившие жить отдельно. В третьей комнате жила хозяйка квартиры; задымив квартиру, она втыкала короткие окурки в белую кремницу, стоявшую в углу подоконника. Хотя хозяйка видела паспорт Лены, но почему-то считала её первокурсницей, впервые уехавшую от родителей. Хозяйка взяла над ней шефство: услышав, что Лена вернулась домой, выглядывала из комнаты, проверяя – не привела ли кого-нибудь, и, настойку, доставаемую в особом расположении духа, предлагала только молодой паре.

С работы Лена всегда возвращалась пешком, старалась проходить новыми дорогами: часто путалась, терялась, какое-то время шла наугад, и только совсем устав, смотрела на карту и выбирала короткий путь. По выходным она шла из дома, блуждала по несколько часов, иногда, если ей попадался музей – заходила, но чаще просто бродила, читая названия переулков, и возвращалась с мокрыми, белыми от соли сапогами.

На зимние праздники Лена поехала домой. Алэн встретил её тепло, они были как самые дружные супруги. Лена ни разу не побывала у родителей без Алэна, и это радовало её – она скупалась по родителям, хотела бывать у них, но знала, приди к ним одна, – начались бы неприятные тревожащие разговоры. При Алэне говорили только на общие темы, и если касались Лениного отъезда, то как чего-то обыкновенного и естественного. Только теперь родители относились к Алэну трепетнее, украдкой выглядывались ему в лицо, особенно, когда он смотрел на жену – пытались разглядеть чувства, скрытые под весёлостью. Наедине с отцом, мать причитала:

– Разве какой-нибудь муж может понять такое?

Этого не знала и Лена. Она была почти готова к отчуждению, возникшему было перед отъездом, понимала его; осознавала, что сложно объяснить её поступок иначе, кроме как желанием разрыва, и прятала надежду, что всё может наладиться. Но всё было хорошо: они ежедневно общались, нередко просиживали перед веб-камерой по часу и ждали встречи. Они встретились как родные, но поговорить с Алэном о его мыслях она не могла.

Последний вечер они провели дома. Свет лампы из-под большого зелёного абажура слабо освещал кухню, а в незанавешенное окно заглядывал фонарь, яркий, как полнолуние, окружённый маленькими звездочками окон соседнего дома. Лена смотрела в добрые, бесконечно родные глаза. Всё остальное оставалось вне фокуса: пространство кухни кривилось, оставленная

в раковине кастрюля уплывала и казалось такой далекой, как невыполненное в школе домашнее задание, или собственная старость. Лене хотелось удержать это чувство нереальности, расфокусированности и в то же время ясности сознания. Она всё всматривалась в знакомые морщинки-лучики – стало казаться, что черты отстраняются и суровеют; она уже сомневалась, кто с ней рядом, знает ли она его; было интересно и страшно. В голове без единого слова проносились десятки картин, в которых отсутствовали и кухня, и дом, и город. Но были эти знакомо-незнакомые дорогие лучики.

– О чём задумалась? – спрашивает Ален.

Слова и голос некстати, но возвращение происходит мягко. Всё постепенно выравнивается.

И появляется вопрос.

– Ты простил меня?

Ален спокоен.

– Я не обижался на тебя никогда.

– Нет! Вправду! Простил?

– Лен, всё хорошо. Правда.

Нет духа продолжать разговор.

Когда она вернулась в Москву, начались снегопады. Лена проснулась от скрежета лопат дворников, расчищавших снег. Этот звук, услышанный в Москве впервые, напомнил о доме. Она лежала в постели и ожидала звонка будильника. Раздражения, охватывавшего её дома, больше не было, не было чувства вины первого месяца.

Была только грусть.

Нить слова

Они шли по парку, рассматривая причудливые сплетения крон в тёплых огнях фонарей и вдыхая вкусный осенний воздух. Она держала его под руку; иногда легонько тёрлась виском о его плечо, а он прижимал локтем её руку к себе. Они молчали. Углубившись в парк, не сговариваясь, подошли к знакомой скамье и сели. Неожиданно он спросил:

– Ты напевала сегодня шутливо, очень знакомые слова. Что это было?

Она весело посмотрела на него, поставила ноги на широкую металлическую ленту, украшавшую снизу скамью, и, прищурившись, напела:

– Мы бандито, гангстерито, мы кастето, пистолето, мы стрелянто, убиванто... это? Это из старого мультфильма, про капитана Врунгеля, кажется. Ты смотрел его в детстве?

– Нет. Хотя, наверное, да.

Они снова замолчали. Было необычно, непривычно тепло, как никогда не бывало в октябре, и было приятно в тишине сидеть на скамейке, вглядываясь в черноту аллеи, сквозившую меж фонарей.

– Знаешь, где я впервые услышал эту песенку?

Она вопросительно подняла брови.

– Во дворе, где я жил в детстве. Там мальчишка был, года на два меня младше, но мы тогда все вместе играли, я хорошо его помню.

Она положила ему на ладонь свою, и он ответил пожатием.

– Этого мальчика звали Женя. И вот он постоянно напевал эту песенку, и там столько слов смешных было, мы даже думали, что он сам их иногда выдумывает. Ну и его все звали Бандитосом.

Она засмеялась:

– А Бандитос, наверное, был с вершок? И добрый-предобрый?

Он улыбнулся и снова пожал ей ладонь.

– Ты угадала.

– Недаром я замужем за писателем.

– Да. Знаешь... – он отпустил её руку и нахмурился, – знаешь, он потом действительно связался с бандитами. Бандитос стал настоящим бандитом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.